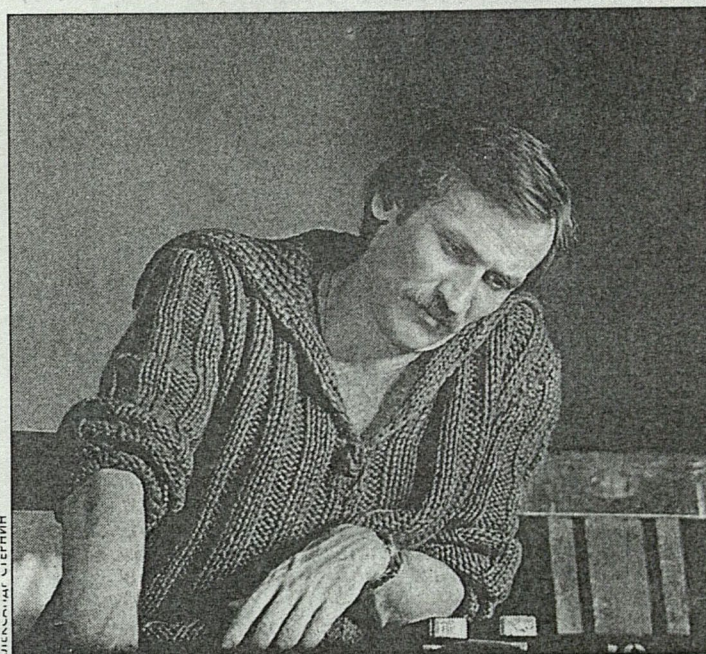

Филатов
Леонид

26.01.04

Леонид ФИЛАТОВ —
о Владимире ВЫСОЦКОМ:

**Если бы я мог обменять
свою жизнь на жизнь Володи,
я бы не задумываясь
ни секунды это сделал**

Артисты Театра на Таганке дружили со студентами и с так называемыми представителями советской интеллигенции. Выступления в Дубне, Обнинске, МГУ, МФТИ и других вузах были праздником для сотрудников институтов. В феврале 1979 года в ЦНИИ Промзданий был концерт Владимира Высоцкого. Часто приезжал к нам в гости и Леонид Филатов.

В те годы существовало негласное правило. Актер получал через общество «Знание» или «Общество книголюбов» некие деньги за выступление как за лекцию. Час общения с аудиторией Высоцкого и Филатова оценивался в 7 рублей 50 копеек. А чтобы нормально оплатить труд артистов, выписывалась материальная помощь на кого-то из сотрудников института.

Вечер памяти Владимира Высоцкого в 1983 году был необычным и для нас, и для Леонида Филатова. О деньгах даже не было и разговора. Точнее был, но Филатов сказал: «Я памятью о друзьях не торгую». После вечера мы пошли провожать Леонида Алексеевича. Как назло, институтская машина то ли уехала, то ли сломалась... Мы поймали такси. Пытались заплатить таксисту. Леонид сказал: «Я не возьму ни копейки». И не взял...

Магнитофонная запись того вечера сохранилась в моем архиве. Выдержки из нее предлагаю читателям «Известий» в день рождения Владимира Семеновича Высоцкого — 25 января ему исполнилось бы 66.

Известия — 2004 — 16 янв. — с. 1, 13. Олег ТЕРЕНТЬЕВ, инженер

Я всегда избегал такого рода вечеров. Не по причине того, что это — скверное мероприятие или безнравственное. Оно очень нравственно. А потому что в таких вечерах, мне казалось, всегда есть некий момент панихиды. И кроме всего прочего, я боялся этих вечеров по одной еще причине. Сразу после смерти Владимира появилось огромное количество — для вас это не секрет — мемуаристов. Так называемых друзей. Я уж не говорю о том, ка-

кое потрясающее количество вдов вдруг в стране обнаружилось. Я не претендую на звание друга Владимира. Я был его коллегой и проработал с ним много лет в одном театре. Играл в одних спектаклях. И находился с ним, смею надеяться, в прекрасных товарищеских отношениях.

Во всяком случае я к нему относился замечательно. Надеюсь, что и он ко мне.

(Окончание на 13-й стр.)

Леонид ФИЛАТОВ — о Владимире ВЫСОЦКОМ:

ЕСЛИ БЫ Я МОГ ОБМЕНЯТЬ СВОЮ ЖИЗНЬ НА ЖИЗНЬ ВОЛОДИ, Я БЫ НЕ ЗАДУМЫВАЯСЬ НИ СЕКУНДЫ ЭТО СДЕЛАЛ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Сначала нас раздражала эта общая истерия и такое количество самозванцев. Потому что мы вели себя гораздо скромнее. Но через год после ухода от нас Владимира мы стали относиться к этому немножко взрослее. Когда образуется такой трагический вакуум, как после смерти Владимира Высоцкого, возможны такие явления. И они, может быть, справедливы.

...Вдруг пришла некая зареванная дама и сказала: «Я сестра Владимира Высоцкого!» Мы знаем, что у него сестер не было вроде, и живы родители: мама Нина Максимовна, отец Семен Владимирович. Думаем: ну самозванка явная! Надо бы ее гнать!

Но поскольку слезы — это раз! А во-вторых, женщина... Надо как-то по-корректнее. Мы ей дали понять, что сестер у Владимира никогда не было. И тут она, плача, с какой-то невероятной такой... невероятной верой сказала: «Ну я так чувствую!» Глядя в глаза.

И вроде смешно, и какое-то, вы знаете, уважение к этой даме. ... Пришел небритый человек, весь в щетине, какой-то страшный, с порезанным лицом. «Где похоронен Володя?» «На Ваганьковском кладбище. А ты кто такой?»

А он говорит: «Ну просто он мне пел на пересыльной там, понимаете?! И если бы не это, я вообще не вышел бы. У меня гангрена уже началась». Владимир никогда в жизни не сидел: ни в пересыльных, ни в стабильных тюрьмах, ни в лагерях не был. Не был! Но в этом человеке тоже была такая вера, он, видимо, так себя уже в этом убедил, что мы даже не смогли его разубедить. Он сказал: «Ладно. На Ваганьковском? Там найду. Я только сегодня вышел...»

Мы ему сказали: «Ну хорошо! Тебе, может быть, какие-то деньги... Ты хоть доедешь туда на такси». «Да не нужны мне ваши деньги!» И было видно: он невероятно оскорблен, что ему не поверили.

Где тут истина? Где тут ложь? Что есть ложь вообще? Я бы назвал это проявлением народной привязанности, желанием быть причастным.

Кто был на похоронах Владимира Высоцкого, тот помнит, что произошло. Ну ладно, молодежь «джинсовая», как сказал Андрей Андреевич

Вознесенский. Сегодняшние такие модерняшки: мальчики, девочки. Представители более старшего поколения — летчики, моряки. Кто приехал в олимпийскую Москву. Старые люди. Фронттовики. Огромное количество людей хотело пройти мимо гроба и познакомиться с Владимиром. Панихида длилась с раннего утра, и всех невозможно было пропустить. И всех торопили: «Товарищи, побыстрее, побыстрее, — тихонечко говорили. — Побыстрее, товарищи, потому что очень много людей».

И вдруг остановился какой-то старик на костылях. Весь в орденах. Седой совершенно человек, белый, как лун, с одной ногой. Застыл над гробом. И никто ему, конечно, не посмел сказать: «Пройдите, товарищ, проходите!»

Или, скажем, совершенно ортодоксальная старушка в платочке. Ну трудно предположить, глядя на старушку, что она увлеклась песнями Владимира Высоцкого. Но она попросила, чтоб ее чуть-чуть приподняли — она очень хотела познакомиться и поцеловать Владимира.

Это то, что мы называем действительно национальной утратой. Под магией его влияния находились не только посторонние, далекие люди. Театр был тоже зависим от Высоцкого, безусловно. Тут нечего кокетничать и напоминать, что театр состоит из значительного количества талантливых людей.

Присылают такие запальчивые записки: «А вот теперь в Театр на Таганке никто не ходит...» И хочется обидеться, вроде. А с другой стороны, думаешь: ну это же они говорят в пользу Владимира. Который, конечно, был лучше всех нас, работающих в этом театре. Конечно, лучше. Порядочнее, честнее, отважнее... Поэтому уход его наше суденышко, наш корабль едва не перевернул. И с большим трудом — если этот кризис прошел, в чем я не уверен, — с большим трудом мы сейчас только начинаем заштыковать наши борта.

Люди в запальчивости говорят: «А вот Высоцкий — самый лучший в России поэт, пишущий по-русски?» Или «самый лучший актер?» Это про-

сто глупость. Бывают поэты и артисты и получше. А о том, что он лучший музыкант, тем более говорить не приходится. Но! Не менее глупо пытаться расщеплять такое грандиозное, мощное явление, как Владимир Высоцкий. А изучается это явление совершенно другим порядком. Совершенно другим. Сердцем, ухом, мозгом.

Я позволю себе прочитать стихотворение Владимира. Отважное стихотворение. Не в утилитарном смысле — вроде «человек, умеющий пойти на нож». Отвага Владимира — это отвага раскованного, великолепно, блистательно человека, настоящего мужчины.

Я хочу прочитать стихи о любви, адресованные жене Владимира, Марине Влади.

Люблю тебя сейчас
Не тайно — напоказ!
Не «после» и не «до»
В лучах твоих стараю.
Навзрыд или смеясь,
Но я люблю сейчас,
А в прошлом — не хочу,
А в будущем — не знаю.
В прошедшем — «я любил» —
Печальнее могил.
Все нежное мое бескрылит и стреножит.
Хотя поэт поэтов говорил:
«Я вас любил, любовью еще, быть может...»
Так говорят о брошенном, отцветшем.
И в этом жалость есть и снисходительность,
Как к свергнутому с трона королю.
Есть в этом сожаленье об ушедшем,
Стремленье, где утеряна стремительность,
И как бы недоверье: Я любил!
Приду — и вброд, и вплавы!
Приду, хоть обезглавы!
Сцепляя на ногах и с гирями по пуду:
Ты только по ошибке не заставь,

Чтоб после «я люблю»
Добавил я «и буду».
Есть в этом «буду» горечь, как ни странно.
Подделанная подпись, червоточина,
И лаз для отступленья про запас.
Бесцветный ад на самом дне стакана.
И словно настоящему пощечина —
Сомненья в том, что я люблю сейчас.
Смотрю французский сон
С обильем внемлю,
Где в будущем не так, и в прошлом по-другому.
К позорному столбу я пригвожден,
К барьеру вызван я языковым.
Ах, разность в языке!
Не положенье — крах!
Но выход мы вдвоем поищем и обрящем —
Люблю тебя и в сложных временах
И в будущем, и в прошлом настоящем.

Ну что мне вам объяснять... Поэт — это такая фигура, которая берет все на себя. Острее, чем нормальный человек, чувствует беспорядок, дисгармонию в обществе. Острее чувствует даже малозаметную аномалию. Это устройство глаза, устройство сердца, устройство мышления. И, естественно, острее чувствуя, больше болеет, больше страдает. Все помнят, как он пел, — все видели, все слышали. Достаточно просто включить магнитофонную пленку, чтобы понять.

Анатолий Васильевич Эфрос сказал очень точно: «Владимир пел, у него шия раздвигалась, как у кобры, и было страшно за эти тросы, которые надувались, за эти жилы, которые надувались на Володиной шее, потому что казалось: вот-вот лопнет аорта, вот он перестанет жить».

И так он пел все песни.

Мы репетируем творческий вечер или спектакль — как его назвать? — «Владимир Высоцкий». Он пока еще не вышел, в стадии сдачи. Все артисты, все его товарищи на сцене играют сами себя. А играется трагическое отсутствие Владимира. И там есть такой кусок, когда все актеры вместе поют «Дом» — знаменитую песню Владимира Высоцкого. Поют, набирая, набирая эмоцию. Хотя все равно понятно, что не могут набрать той яростной ноты, как это мог сделать только один Владимир. Песни его петь вместо него — совершенно бессмысленное занятие, ибо магнет его голоса в себе заключает что-то такое — и духовное, и одновременно биологическое — что распространяется почти на всех. Даже на иностранцев, которые не всегда понимают, о чем он поет, но чувствуют это кожей. Выше этого уровня накала, этого яростного, совершенно какого-то биологического извержения звука из сердца и кишок никто из артистов петь не мог.

И вот когда все артисты вместе уже набирают некую эмоциональную высоту, в этот самый момент вдруг все оборачивается к звуковой будке. Мы словно говорим: «Давай, Володя!» И тогда на всю эту песню, исполняемую живыми его товарищами, накладывается мощный хриплый голос Володы, который вытравливает эту песню на ту высоту, к которой мы так тщательно стремились.

Любые внешние проявления благополучия никакого отношения к внутреннему миру поэта не имеют. Поэт потому и мало живет. Его трагическое мироощущение его исподволь потихоньку убивает. Любимый нормальный человеческий организм вынес бы это в силу своей просто толстокожести, а организм поэта воспринимает все эти импульсы сразу в себя. Они его и итот и убивают.

Но при всем при том, какие бы отчаянные минуты и дни ни испытывал Владимир Высоцкий, его стихи все равно имеют некий выход. Все равно оставляют нам надежду. В этом состоит замечательное милосердие нашей поэзии. Я смотрел картину «Механический апельсин» английского режиссера Стэнли Кубрика. Она у нас на экранах не шла. Замечательная картина. Первоклассно сделанная. И все-таки в ней заключена одна ложь. Там есть полная безнадежность. В конце просто заколачиваются последние гвозди в крышку гроба. После этой картины встаешь и понимаешь, что жить не надо. Бессмысленно.

Но это же ложь! Раз мы живем... Если мы не нужны, не нужно снимать кино. Вот так Кубрик нужно было сказать: «Знаешь что, дорогой товарищ Кубрик... — хотя он нам не товарищ, — все-таки, если ты уж так скверно себя чувствуешь, понимаешь, что жить не надо, то где же ты нашел в себе силы снять такую картину про то, что жить тебе не надо? Все это время ты жил, ты вставал каждое утро, репетировал с артистами, чтобы, в общем, доказать такой постыдный и бесполезный тезис?! Что жизнь ни к чему?»

В связи с этим я хочу прочитать стихотворение Владимира Высоцкого, отстаивавшего совершенно другую позицию. Хотя отчаянное стихотворение, написанное, наверное, в трудную для него жизненную минуту.

Мне судьба — до последней черты, до креста,
Спорить до хрипоты. А за ней — немота.
Убеждать и доказывать с пеной у рта,
Что не то это вовсе, не тот и не та!
Пусть не враз, пусть сперва не поймут ни черта,
Повторю, даже в образе злого шута,
Но не стоить предмет! Да и тема не та!
Суета всех сует — все равно суета.
Я до рвоты, ребята, за вас хлопочу.
Может, кто-то когда-то поставит свечу
Мне за голый мой нерв, на котором кричу,
За веселый манер, на котором шучу.
Даже если сулят золотую парчу
Или поруч грозят напугать — не хочу!
На ослабленном нерве я не заведу,
Лучше свой подтяну, подновлю, подвинчу!
Лучше пусть загнута, заплю, заторчу,
Все, что за ночь кропаю, — в чадру расторчу!
Лучше голову песне своей откручу,
Чем сквозить и вихлять, словно пыль по лучу.
Если же все-таки хлясть испить не судьба,
Если музыка с песней не слишком груба,
Если же вдруг докажу, даже с пеной у рта,
Я уйду и скажу, что не все суета.

Рассказывать о спектакле «Владимир Высоцкий» мучительно, потому что это зрелище — как вам сказать — немножко спиритуальное. Построенный на стихах и песнях Высоцкого, он имеет такой драматургический прострел — цитаты из спектакля «Гамлет», который, как вам известно, Высоцкий очень любил.

«Гамлет», может быть, по нашей ненастойчивости, а может быть, по нерадивости работников телевидения не был снят на видеомагнитофонную пленку. Мы этот спектакль после смерти Владимира своей волей убрали из репертуара, справедливо решив, что это спектакль единственный, которым Владимир так дорожил. Он очень ревниво выяснял, кто там репетирует, когда он заболел или уезжал. Кто? Кто там будет играть, может быть, когда меня не будет?!

Никто, естественно, не вышел на сцену. Все понимали, как ему этот спектакль дорог, как он хочет его играть один. Что этот спектакль был сделан для него и на него. Да и трудно себе представить сумасшедшего, который бы вышел в costume Владимира Высоцкого и стал играть этот спектакль. Будь это Пол Скофидил или Иннокентий Смоктуновский — кто бы ни вышел в costume Владимира Высоцкого на сцену, зал уже заранее, наверное, не простил бы его. Можно ли соревноваться с легендой?!

Глупо. Нельзя.

...И вот выходят на сцену персонажи «Гамлета». Полоний. Все царедворцы. Королеве докладывают, что принц не в себе, что он несет черт те что.

В ответ на что Алла Денимова (это все текст Шекспира, я прошу прощения за вольные переложения, потому что не все помню наизусть из текстов персонажей, я в этом спектакле играл Горазию в свое время) — королева Ферруда говорит: «Что? Белая горячка?! — В таких делах большой искусник...»

И вдруг мы слышим голос Владимира. Совершенно живой голос, записанный из спектакля на магнитофонную пленку.

...Белая горячка!
Мой пульс, как ваш,
Отсчитывает такт.
И так же бодри!
Нет нарушения смысла
В моих словах.
Переспросите вновь —
Я повторю их. А большой не смог бы.
Во имя Бога, бросьте ваш балызам.
Такая мазь затнет рану коркой. Но скрытый гной
Вам выест все внутри.
Вам надо исповедаться. Покаяйтесь
В содеянном. И берегитесь впредь...
Или другой кусок, где Валерий Золотухин сидит на сцене — и фонограмма песни Высоцкого «Банька», которую он на фонограмме поет

один, — они поют на два голоса. Впечатление это и невероятно трогательное, и щемящее, и страшное. И присутствовать при этом трудно. Тем более что мы знали историю этой песни. Так она в жизни и пелась — именно на два голоса. Очень часто.

Володя пришел к концу первого сезона работы Театра на Таганке. Будучи студентом театрального института, живя в общежитии, я, конечно, слышал отдельные песни Владимира Высоцкого. Знал, что есть такой Владимир Высоцкий. Он уже в ту пору был знаменит. Но он был тепло знаменит, как-то по-домашнему, знаете. Ну Владимир Высоцкий, ну знаменитый, ну пишет песни.

А я тоже пишу стихи. Очень трудно оценить современника, очень легко потом с точки зрения потомков говорить: «Как же вы не разглядели! Как вам не стыдно...» Или еще: «Как вы его не спасли!..»

Ну как его было спасти?! Бесконечно беспокойного, перелетающего с места на место, постоянно ссорящегося, потому что его кто-то задерживает. Потому что он здесь не может, он здесь не хочет, он должен сейчас уехать.

А его друзья увещевают: «Нет, Володя, ты должен полежать». Какое «полежать»? Он тут же обманет, он тут же возьмет и куда-нибудь убежит. Через окно сбежит. Настолько был темпераментный человек, так фонтанировал, так неистово существовал! Врачи когда еще предсказывали ему гибель... Он, что называется, пережил все прогнозы. А умер — никто даже не ожидал — от сердца.

Я бы просто и тысячной доли этой нагрузки не вынес. Просто не вынес бы. Уж не говорю о том, что, когда были вскрыты архивы, только тогда мы начали понимать, сколько же он успел написать.

А постоянные концерты по всей стране, которыми он очень дорожил. Понимал, что это — он. Он конкретно. Он говорит не чужие слова, не чужие строчки. Он играет не в песню некую роль, а он, Владимир Высоцкий, напрямую с людьми разговаривает.

И я хочу сказать о Владимире Высоцком в дружбе. Это отдельный взгляд на него.

Потому что он был вроде такой яростной и такой защищенный от обывателя, презирал всевозможную суету вокруг себя, но при всем том нежнейшим образом относился к своим друзьям. Нежнейшим.

Он был обязательный человек. Вдруг возникала какая-то, необходимость у кого-то в редчайшем лекарстве. Он обегал все возможные кабинеты, сам садился в машину, звонил Марине в Париж: нет ли там нарочного. Вот кто-то летит из Парижа. Вот сейчас, срочно! И добывал это лекарство. Сутки он был на ногах, но добывал, потому что он сказал «да».

Он обещал. Так же, как он вдруг добывал кому-то квартиру. Обивал пороги, кланялся начальству, давал какие-то бесконечные щедрые концерты. Естественно, за просто так! Чтобы людям было приятно, чтобы какой-то начальник намекал: вот если вы сделаете, и у нас будет концерт, тогда мы, может быть, как-то рассмотрим. И не обещая, но... И все-таки к вечеру он приезжал, играя в этот день «Гамлета», и звонил от администратора из кабинета, и говорил другу: «Ты там рядом... Есть у тебя стул?»

Тот спрашивал: «А что такое?» «Вот, возьми стул и сядь, а то упадешь, если услышишь. Я достал тебе квартиру. Завтра утром — в такой-то кабинет по такому-то адресу к такому-то человеку».

Думаю, обязательно будет издано более полное собрание его стихов, чем «Нерв». Не потому что я такой мечтательный оптимист, а потому что я как раз человек трезвомыслящий. Я считаю, что нет иного пути для наших издателей и не может быть... Мы не можем лишить своих детей и своих внуков счастья познакомиться с таким поэтическим именем, как Владимир Высоцкий. Иначе мы — сумасшедшие. Иначе мы сами себе отказываем в самом дорогом.

Я как-то не хотел вослед всем — я боялся уподобляться. Пишут, пишут, выступают и все рассказывают чего-то. Не хочу. Не по сердцу это будет. В конце концов, отправление моего сердца Владимиром и так слышит. И совершенно неожиданно, может быть, месяца три тому назад, у меня выплились стихи. Они адресованы напрямую Владимиру, который ушел от нас в тот самый високосный год, восьмидесятый. А потом были трагические для московской театральной сцены два с половиной года. После Владимира мы похоронили и Алексея Эйбоженко, и Олега Дала, и Анатолия Солоницына, и Никиту Подгорного... В общем, молодых еще. Многие из них были товарищами Володи.

И стихотворение, которое родилось, оно адресовано Владимиру, конечно, в первую очередь, но и также уже тем друзьям, которых нет среди нас.

Это стихотворение называется «Високосный год».

О, високосный год, проклятый год.
Как мы о нем беспечно забываем!
И доверяю жизни хрупкий ход
Все тем же самолетам и травяням.
А между тем в злосчастный этот год
Нас изучает пристальная линза:
Из тысяч лиц — не тот, не тот, не тот,
Отдельные выхватывая лица.
И некая верховная рука,
В чей воле все кончины и отсрочки,
Раздвинув над толпою облака,
Выкрадывает нас по одиночке.
А мы бежим, торопимся, спнем, —
Причин спешить и впрямь довольно много, —
И вдруг о смерти друга узнаем,
Нагнувшись на колонку некролога.
И, стоя в переполненном метро,
Готовимся увидеть это въяве:
Вот он лежит. Лицо его мертво.
Вот он в гробу. Вот он в могильной яме.
Случись мы рядом с ним в тот жуткий миг —
И смерть бы проиграла в поединке.
Она б его взяла за воротник,
А мы бы уцепились за ботинки!
Но что тут толковать, коль пробили час.
Слова отныне мало что решают.
И сказанные десять тысяч раз,
Они друзей, увы! не воскрешают.
Ужасный год! Кого теперь винить?!
Погоду ли, с ее дождем и градом...
Жить можно врозь! И даже не звонить!
Но в високосный год держаться рядом.

Мешки писем, посвященных Владимиру Высоцкому, пришли в театр, в музей. Такие запальчивые там строчки. Все кругом виноваты, и вообще — бедный Владимир... Вы бы все лучше поумирали, чем он... Все так, конечно. Если бы я мог поменять свою жизнь на жизнь Володи, я бы просто не задумываясь ни секунды этого сделал. Но есть какие-то невозможности в этом мире — что же делать?!

Что же делать?!

